

Запомните это имя!

Вех. клуб. — 1992. —
14 июля. — С. 7

Голос Марины Андреевой вызывает у венцев дрожь

...Самодельная афиша пригласила в музыкальную гостиную сада имени Баумана на концерт солистки Московской филармонии Марины Андреевой — «стажера Венской оперы и стипендиата папы римского». И то, и другое, как выяснилось позднее, не вполне соответствует истине, но...

Впрочем, Вена действительно была. И стипендия тоже. И даже папа римский. Но все по порядку.

В 1989 году Марина Андреева окончила Российскую музыкальную академию (бывший Институт имени Гнесиных). Еще студенткой с успехом исполняла в оперной студии партии Сюзанны в «Свадьбе Фигаро», Норины в «Доне Паскуале» и другие. Однако обстоятельства сложились так, что по завершении учебы она несколько лет выступала в ином амплуа: пела русские песни, старинные романсы. Кто знает, сколько так могло продолжаться, если бы однажды ее не услышала член экспертного совета Фонда культуры Бэла Руденко. По ее рекомендации Марине была предоставлена стипендия для молодых певцов имени Николая Бенуа в Венской академии.

Вручали стипендию в Капитолии, а затем — полгода стажировки в Вене, ангажемент на партию Царицы ночи в «Волшебной флейте». Это был спектакль на открытом воздухе с участием певцов из Германии, Америки, Японии, дирижера и режиссера — из Праги. По воле режиссера Марине пришлось исполнять всю партию

на пятиметровой высоте. Газета «Венский курьер» писала: «Приятная дрожь пробежала по спинам слушателей, когда Марина Андреева обрушила на них из бойниц башни свою великолепную колоратуру».

Колоратура и вправду великолепная, если не сказать больше. Чарующему обаянию этого голоса трудно не поддаться. Кажется, он пришел к нам из совсем другой эпохи — эпохи бельканто. Абсолютная техническая свобода, позволяющая играючи справляться с самыми виртуозными ариями. Европейские шарм и культура звуковедения в сочетании с истинно русской теплотой тембра.

— Марина, вы спели в Вене целых десять спектаклей. Неужели никакие импресарио вам ничего не предлагали?

— Нет, это ведь было лето, август, когда все на каникулах и деловые процессы прекращены. Правда, я была в агентстве известного импресарио Рааба. Он меня прослушал, остался доволен и сказал: «Приходите в октябре, я буду рад вас услышать еще и, может быть, сумею предложить вам работу». Но по причинам материального порядка ждать столько времени я не могла.

— А в Большой театр вы не пробовались?

— Пробовалась в прошлом году. Все проходило достаточно формально, никого из дирижеров не было, сидел один Райков... Меня не допустили даже на второй тур.

Дмитрий МОРОЗОВ.